

Книга Эмкыр

Ушкору х

одной

Мысль Манкы

Лиз Эмир

История одной мусульманки

«Автор»

2023

Эмир Л.

История одной мусульманки / Л. Эмир — «Автор», 2023

“История одной мусульманки” - это автофикшн, повесть основанная на реальных событиях. Главная героиня - обычная женщина, которая поделилась историей своей жизни из мусульманской, уральской деревушки, где все устои шариата и Корана нарушаются в угоду свекровей, их сыновей и жестоких мужей. Героиня в течении многих лет подвергаются насилию, унижениям и достигает успехов в жизни наперекор всем невздам. Переживет тяжелейший развод и будучи журналисткой решает написать книгу об этой истории. Она встретит любимого и выйдет за него замуж. Обретет счастье, гармонию и исцеление в семье.

© Эмир Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

От автора.	5
Первая глава. Мое царство под мостом.	6
Вторая глава. Паровозики	9
Третья глава. Мои котятки	12
Четвертая глава. Отец	15
Глава пятая. Война	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лиз Эмир

История одной мусульманки

От автора.

Имена и события в произведении изменены главным образом для того, чтобы защитить людей от тех, кто читает подобные книги и пытается выяснить, кто и кому что сделал, подпитываясь чужой жизнью. Факты и персонажи в этой книге могут быть вымышленными во избежание любых совпадений. Я рассказала мою историю настолько правдиво, насколько позволила моя память и дала героям новые имена, замаскировав их. Любые совпадения случайны и не имеют под собой оснований.

Первая глава. Мое царство под мостом.

«Мне страшно! Я напугана!» – промелькнула первая мысль. Я была чем-то напугана, но не помнила чем. Сердце бешено колотилось в груди и в висках стучала кровь. Я бежала по моей любимой тропинке. Она узенькая такая, чистая, гладкая, очень прямая. Мне нравится, что по ней можно бежать в одних сандаликах, в белых гульфиках. А еще, я в восторге, что по краям, с обеих сторон, растут необыкновенные, фиолетовые, яркие какие-то цветочки. Не знаю как они называются. Мне кажется, они волшебные... Я присела, чтобы рассмотреть их поближе. Сильно так наклонилась и принялась, ну чтобы не срывать, пусть растут себе на здоровье. Пахнет землей, у цветов не было аромата, а вот от земли вдруг повеяло такой свежестью, что я аж повалилась на полянку, точнее на спину и завывала от боли.

– Мммм... Больно, – вдруг вспомнила я. По-моему, меня били, недавно. Вчера или позавчера, возможно и позавчера и вчера тоже, короче, неважно это все. Растворилась в небесах. «Боже, небо какое же ты голубое!». Как же мне приятно лечь на прохладную траву и ощутить, что спинка больше не ноет... от синих длинных ран, которые уже проявились, наверное... Прикрыла глаза. «Такие веки тяжелые, уфф больно глазам»... А может я просто ударилась лицом обо что-то, когда хотела спрятаться за угол дивана от прямых ударов. «Ну, на прошлой неделе, например, носила же я большой такой синячок, пришлось ждать, пока пройдет...» – думала я обо всякой ерунде, засыпая. Не знаю. А еще, чувствую, что мне глубоко печально, грустно от слез.

Вечером я обязательно пойду к бабушке и покажу ей мои длинные ранки на спине. Они большие у меня, фиолетовые такие, полоской располагаются от шеи до пояса, в зависимости от размера, там есть большие и толстые, есть потоньше и поменьше, их много там. Даже во сне я думаю об этих полосках на спине, потому что они постоянно ноют и болят, а еще они бесконечно появляются заново и снова болят. Конечно же, бабушка не обнимет меня, а нагрубит, оттолкнет и скажет:

– Иди давай, исчезни с глаз моих долой, сами виноваты, вечно отца своего бесите и злите, бегаете там, шумите, орете. Я его воспитала достойным, он один у меня, я ему пряники приносила, когда другие дети голодали... Он один у меня-сын, а вас вот сколько, трое. Бесите его, злите, вот и получаете каждый день, справедливый он у меня, хороший, а вы – маленькие голодранцы, вечно чем-то недовольны. Драть вас надо, еще больше вас надо драть... Была б моложе добавила бы. – И толкнет в спину и грубо так, аж слезинка покатится с уголка правого глаза от возникшей боли и обиды что ли. Вечно она оттуда стекает, как предательница маленькая. Я не хочу быть слабой, я хочу быть очень сильной сестрой для своих мелких еще братика и сестрички. Ан нет, вот она тихо идет по лицу, теплая даже горячая, единственная опора, слезинка моей несчастной шестилетней жизни от роду. Несмышлёной девчонки, ненужной ни одному человеку в этом огромном мире, ни разу не слышавшая, что она любима кем-то. «Возможно меня любит мой негритенок», – думала я во сне. Это моя черненькая десятисантиметровая куколка, с которой я провожу самые счастливые минуты своего дня, в огороде, чтобы никто не нашел ее. Как будто мы живем с ней вместе в том пластмассовом домике из прутьев, в бумажной коробке из-под печенья.

– Вот видишь какая ты у меня, красивая, – приговариваю я, надеваю на нее юбочку с блестками, белую маечку, которую кропотливо шила вчера перед сном, под одеялом. Конечно же, под одеялом, никто не должен видеть мою куклу, и знать про наш детский уголок, иначе она исчезнет, погибнет, ее выбросят. Мне казалось, что в нашем доме все пропадают, как в волшебной сказке. На той неделе пропали котятки, их было три. А в прошлом месяце исчез обожаемый нами пес Дружок. Куда он пропал? Мы искали его целую неделю, но он как в воду

канул после того, как ушел с отцом в лес. Короче, нельзя говорить о секретных любимцах никому. Иначе ведьма тут как тут, заберет и мою куколку тоже.

– Чего ты улыбаешься, глупышка моя, чернявая, – смеюсь и присаживаю подружку на мягкую софу. Да-да, в нашем девчачьем домике есть уютное зелененькое кресло. Я его соорудила из спичечного коробочка, получилось очень мило.

– Чего ты, а? Я читала про волшебство в сказочных книгах, которые у папы в шкафу стоят. Там злые колдуны забирают непослушных мам, детей, животных. Могут и нас с тобой забрать, поэтому потише тут!, – мечтательно добавляю я, потому что чувствую, что немного устала от ежедневных ссор родителей и то, что мы ночуем иногда в бане, ну или у соседей. В те моменты я тихо плачу под одеялом и хочу вернуться в свою кровать, ненавижу маму и отца, думаю о плохом. Ай, ладно, неважно это все!

А еще, у моей куколки есть самая настоящая кровать, женственная такая с пуховым одеяльцем из кусочка шерстяной ткани. Если честно, этот кусок шерсти мне пришлось украдкой забрать из лукошка бабушки. Она потом долго искала его, чтобы заштопать носки.

– Но всё, ха-ха-ха, шерстяное одеяло у нас, – оно очень пригодилось моей кукле. – Так что, бабушка, извини. А еще, я смогла сшить подушечку и смастерить прикроватную тумбочку из колпачка духов. Получилось восхитительно, уютно. Она кладет на эту тумбу прочитанную за день книжечку.

Я тоже мечтаю о таком женственном уголке себе, но мои желания никогда не сбудутся. Я это знаю, мне грустно от этих мыслей, но что может сделать маленький человек? Вот, если бы мама попросила купить новую кровать или пуховое одеяло, тогда бы да. Но она давно перестала просить о чем-то отца, говорить и улыбаться тоже. Она давно ни о чем не просит папу, что-нибудь сделать своими руками там, например. Какую-нибудь беседочку или прикроватную тумбочку, как у нас. Он бы мог, он бы все сделал для нее, но она все время молчит. А это значит в доме больше никогда не появится ничего нового или красивого. А он так и будет угасать на глазах, потому что мамочка больше не разговаривает.

Во сне я продолжаю идти по моей волшебной тропинке, а она вдруг завернула направо и убежала вниз незаметной змейкой под мостик. «Ух ты какая, хитрая», – улыбнулась я.

– Никто тебя не заметит, потому что ты моя секретная тропка.

Да, она только моя, я иду по ней и чувствую как приближаюсь к моему великому царству. Оно там, воооон там... Спряталось под обычным дорожным мостом, чтобы никто не заподозрил о его существовании. «Это только мое королевство и я тут Королева, – заупрямилась я про себя. – Только бы никто не нашел его», – вдруг закралась противная мысль. На меня нахлынул невероятный страх, что он будет обнаружен, сердце начало страшно стучать, в виски хлынула кровь. Я побежала со всех ног в сторону моего и только моего Королевства. Я бежала и чуть не редела от страха, что мой мир под обычным дорожным мостиком будет кем-то обнаружен, что кто-то может проникнуть туда и увидеть моих верных слуг, нарушить покой всех и разрушить мою Душу. Слезы предательски начали подступать к горлу, а я никак не могла добежать до дорожного мостика. Мысли начали путаться, но вдруг на горизонте...

Вот она, мой самый лучший друг и стайка первых верных поданных. Это любимая речушка, нежная прозрачная мягкая, всегда такая звонкая и веселая, подмигивает ведь еще... А на доньшке построились в рядок золотистые и серебряные рыбки, это мои солдатики. Смотрят на меня, приветствуют, улыбаются во все свои рыби ротики. Губки у них тонкие и широкие, во всю мордочку, как будто они ну очень рады меня видеть, ну прямо сильно счастливы, что пришла их Хозяйка.

– Дождались. Лююююют меня, – обрадовалась я, – ждуюууу! Чего вы тут? Глазки свои раскрыли, пучеглазые. Красиивые мои. Скучали? Я тоже очень скучала по вам. Ну-ка все по местам, у меня есть желание. В моем королевстве должен быть принц, нет? Ну ладно, ладно, буду жить тут одна, точнее только с вами. Я – королева моего прекрасного царства.

– Ну а вы как тут, красавицы, анютины глазки. – Синие, красные, желтые. По серединке у каждого цветочка расположилась и живет моя Дюймовочка. Маленькая такая девочка, еще одна подруга моей жизни, живет внутри цветка, радуется. Живая такая, очень-очень милая.

– Надо с вами быть осторожными, чересчур вы у меня нежные, принцессы, – бережно рассматриваю их.

Ладно, пойду схожу к моим стридам-страдам. Ну, похоже же. Стриды, как страды, рыцари-хранители царства. Воооон они там на берегу. Спрятались в норках своих. Орут на всю деревню, чирикают, ничего не боятся. Смелые, отважные, быстрые. Залетают в норки, вылетают оттуда. Снова туда и снова на выход. Мне все время любопытно заглядывать в их домики, которые круглыми дырочками расположены на обрыве берега. Можно спокойно подойти к ним и заглянуть внутрь, но ничего не видно. «Очень глубокие», – думаю и немного с сожалением, отхожу от обрыва. Понятно, что никогда не смогу рассмотреть квартирку стрижей. Что там? Как там у них все устроено? Есть ли кухня, а спальня, а где спят детки, а родители? Такое любопытство берет. Эх...

– Ну ладно, родненьки мои, пойду я. Папа ждет. Вы же знаете, какой он у нас, строгий. Пойду я, а вы будьте осторожны, внимательны и берегите себя.

С каким-то поникшим от тяжелого предчувствия настроением, поплелась домой, ноги совсем не несли меня. Совсем не хотелось возвращаться, так и жила бы здесь, в моем Королевстве с рыбками, лягушками, птицами, цветочками. Тут и обитала бы, где всегда царил покой, дружба и хорошее настроение.

Вторая глава. Паровозики

Солнце. Яркое, нежное, мягкое, светит в глаза, в щеки, в нос. Щечочет, гладит по волосам, греет меня. Я же сижу на полу, дома прохладно, поэтому поймала посередине гостиной этот горячий солнечный островок. Безмерное счастье наполняет сердце, потому что скоро мой самый любимый день рождения. Каждый год десятого числа чудеснейшего майского дня я просыпаюсь рано утром и вижу, что день радуется моему рождению. Птички поют дифирамбы, наперегонки хотят поздравить меня, надарить кучу птичьих сюрпризов. Это трели, пение, пуховые перышки, которые бесконечно падают на мою волшебную тропинку. «Ладно, ладно, любимки мои – думаю я – слышу я вас, принимаю все подарки и бесконечно люблю всех. Целую и обнимаю каждую птичку. Деткам, пташкам-женам – привет!»

Солнышко зовет на улицу, с огромным удовольствием я надеваю мое светло-желтое, праздничное платьишко и выбегаю на улицу. «Какая же я красивая сегодня», – улыбаюсь про себя. И оказываюсь среди моих преданных высочайших, добрейших друзей – это деревья: липы, березки, дубы. «Оооо, какие же вы шумные», – приветствую их. Они болтливые, слишком умные, иногда я даже не могу разобрать чересчур мудрую речь нашего старца-великого Дуба.

– Девочка моя, – говорит он часто, – придет время и ты все поймешь, откуда берет начало счастье и куда уходит горе. Почему малышам, как ты, надо пережить испытание на Земле, чтобы взлететь и стать Ангелами. Не вешай носик, никогда и помни Аллах приготовил тебе настоящую, единственную любовь всей твоей жизни. Ты – наша счастливая звездочка!

– Странный он, старый уже – смотрю я на этот могучий Дуб и долго еще слушаю его шелест. Щурюсь от солнечных лучей, они так игриво бегают между ветками и ощущаю невероятную радость. Откуда такое прекрасное настроение? Как будто мой Дуб рассказал мне какую-то великую тайну, а я все поняла, что он прошелестел мне в ушко.

– Ай, все хорошо, – смеюсь я, – до встречи мой мудрейший Дуб. Все остальные, тоже пока, очень вас люблю. Завтра приду.

Бабушка громко так, зовет меня через весь двор. Надо же готовиться к мусульманскому чаепитию, так принято. Придет старейшина, мулла, строгий такой, с очень умной книгой, сядет во главе стола и начнет учить нас чему-то. Ближе к мулле сядут мужчины, папа, дедушка, дяди. Вторую половину стола займут женщины. Там же присяду и я, в голубеньком платочке, недоумеваю и немного обидевшись, на то, что на меня все время надевают этот голубой платочек, он же совсем не подходит к моему светло-желтому платьишку. Целый год я ждала, чтобы надеть мое желтенькое платье, каждый вечер заглядывала в шкафчик и нюхала подол платьица, как будто это приближало тот день, когда я буду такой милой, надев его, как сегодня и тут этот голубой платок.

– Он портит все на свете, – сильно огорчаюсь я, но стараюсь улыбаться, потому что так надо, улыбаться перед стариками и муллой. И совсем не слышу, как нас, так называемый женский пол, просят выйти из-за стола. Нам всем надо ждать, в другой комнате, в углу, около печки, когда будет разрешено подавать мулле и его гостям вкусные горячие блюда.

– Вообще-то, это мои гости и вкусы, а не твои, старый ты дед, – снова злюсь я. Это мой день рождения, а на меня никто не обращает внимания. Ни на мое красивейшее платье, ни на белые гольфики, ни на туфельки, хотя они не новые, конечно, я их донашиваю после старшей двоюродной сестры. Но все равно, они мне очень нравятся. Птички же заметили утром какая я миленькая, а родители и гости нет, слезы начали душить меня.

– Опять, – сдерживаюсь я, – с уголка начинает катиться предательница-слезинка. Ненавижу все. Ни подарков, ни тортика, только баран какой-то. Так сказала мама.

– Сейчас будет барашек. Тебе понравится. Или уйди и успокойся. Иди на улицу, если тебе что-то не нравится. Не мешай.

И что? Покатилась – таки. Слеза покатила. Много слез покатило. Я сидела в укромном местечке за домом и ждала, когда закончится этот печальнейший праздник муллы. Абсолютно не понимая, зачем нужны эти обеды, которые кроме горя и ссор между детьми и родителями ничего не приносят в семьи.

Ближе к обеду все ушли и мама с сестричкой тоже отправились в гости. Мы с братиком тихо зашли в ту самую гостиную с солнышком посередине. Мне не терпелось показать ему этот островочек. Он же вообще еще глупенький, маленький, годик всего лишь исполнилось недавно. Несмышлениш, не знает, что посередине комнаты можно обнаружить солнечный островок и греться там, как в печке.

– Вот он, смотри, показываю ему мою находку. Он улыбается во весь свой детский ротик и мило подставляет личико солнышку. Ух ты, оценил, милашка, – обрадовалась я. Ему очень понравилось, греться на солнышке. Мы начали громко смеяться. Я встала на ноги и превратилась в паровозик, главный первый вагон. Он громко прицепился ко мне и мы каааак поехали по кругу. Мне было так хорошо с ним идти паровозом вокруг нашего солнышка. Мы смотрели друг на дружку и весело орали на весь дом.

– Тюх, тюх, тюх, – мы стали настоящими паровозиками, – тюх тюх тюх. Нам было невероятно радостно, мы счастливы. Все неважные мысли за этот печальный день рождения вмиг забылись. Мы – чудесные паровозики, нет, мы – настоящие большие паровозы. И вдруг...

Я как будто перевернулась как огромный прицеп, попала в аварию, сломала колесо, сошла с рельсов. Сильная боль отдалась в голове, я лежала на полу. От удара перестала видеть вокруг и потеряла брата. Поняла, что не могу встать на ноги. Мне очень больно в пояснице. Через веки я вижу отца, он бьет по голове брата.

– Как же вы мне надоели, – кричит он, – вы шумите, не слушаетесь меня, орете на весь дом. Устроили балаган дома, неужели вы не можете просто посидеть спокойно? Сколько раз вам говорить, что я устаю на работе... Да, сколько можно?

Я привстала, мне было так страшно, что решила присесть на ближайший стул и неожиданно почувствовала, как подо мной становится очень сильно мокро и горячо. По ногам течет что-то, как теплый шоколад. «Неет!», – заплакала я, сама до конца не понимая всю трагедию. Я поняла, что сделала что-то ужасное, отвратительное, кошмарное, противное. Наверное, за это можно убить. Так же нельзя делать на стульчике, так можно делать только на горшке. «Что будет теперь со мной?» – я тихо-тихо заплакала и поняла, что ничего не понимаю. Скована, парализована, не могу пошевелиться. Под ноги прилетел брат и ударился головой об угол перегородки. Потекла кровь. «Фиолетовая что ли?» – успела подумать я. Оглушил удар по лицу, упала и замерла. Слезы текли просто так, без звука, без остановки, их было много, бесконечное количество слезинок, на полу быстро образовалась слёзковая лужа. Я лежала, боялась шевельнуться и смотрела в окно напротив. На улице светило мое солнышко, а птички замерли, как будто понимали, что сейчас происходит что-то непоправимое. Я видела, они совершенно пучеглазые сидели на ветках моего старейшего Дуба и смотрели на меня. «Девочка моя, – стонал Дуб, – все испытания даются по силам. Тебя ждет счастье и любовь». Братик очнулся, застонал.

– Тихо, замолчи, – прошептала я, – тихо, просто замри, не шевелись. Хотела незаметно дотянуться до его безжизненной ручки и сверкая взглядом, показать, что я тут рядом, не брошу его. «Не бойся, мое солнышко, не бойся», – кричало мое нутро. Лишь бы он был сильным и не заплакал. Мне показалось, что я больше ничего не слышу, потеряла сознание. Мы очнулись в постельке. Мама медленно перевязывала наши ранки, все тело покрыто синими пятнами. Я часто разглядываю их и каждый раз удивляюсь необычному цвету синячков. Почему они такие цветные, лиловые? Эти пятнышки боли и страданий. Вы не достойны быть такими лилово-

красненькими. Как цветочки печали на тельце ребенка. Вы не имеете права на жизнь. Все тело болит из-за вас. Хотя я привыкла их поглаживать и успокаивать, как будто так легче.

– Не надо было шуметь, – приговаривала она, – папа должен отдыхать. В следующий раз будете знать, как тут орать на весь дом.

Спустя много лет, уже повзрослев, я спросила у отца. Почему он был порой таким жестоким, он же учил нас доброжелательности к другим, уважению к себе, дружбе.

– Не один раз вы приглашали в дом мусульманских умных старцев с длинными бородами и бабушек, умудрённых жизненным опытом, хором читали «Аятел курси» и мы понимали, что надо любить весь мир, таким какой он есть и верили вам, смотрели на вас большими, наивными, детскими глазками. Думали, что вы – взрослые, плохому не научите, надо беспрекословно вас слушаться, а вечером ты – яркий представитель этого взрослого мира нещадно, почти до смерти обижал нас? – посмела я задать ему вот такой вопрос. Отцу, главе семьи, которого мы до сих пор боимся, трепетно уважаем, молчим при его присутствии и не смеем указывать ему как жить. Задала ему такой вопрос и готова была провалиться сквозь землю, мне было так стыдно, а он посмотрел на меня, прямо так. Было видно, он очень не хотел проследиться, его сердце было наполнено болью, отчаянием, пониманием, что ничего больше никогда не вернуть, не изменить, но глаза не плакали, они так и оставались сухими.

– Прости, – прошептал он и отвел взгляд, – прости, что не умел по другому. После таких случаев, я выходил на улицу и отчаянно ныл от безысходности и ненависти к себе, что не умею по другому. Прости, если сможешь.

Третья глава. Мои котятки

С раннего утра, примерно в пять, с петухами мама всегда начинала тихо шуршать на кухне. Это восхитительные минуты счастья, умиротворения, нежности, потому что по дому от печки медленно потянется струйка теплого воздуха. Станет наконец-то тепло в комнате, воздух перестанет быть холодным. Можно будет высунуть ручки из-под одеяла и попробовать потянуться до потолка. Я радовалась, что просыпаюсь в теплой, уютной постельке. А какие у меня мягкие простынки, нежнейшее одеялко.

Мамочка чуть слышно затопила печь и что-то напевая под нос, будет долго мешать жидкое тесто в огромной кастрюле в цветочек. Мне очень нравится эта кастрюля, она напоминает пузатую хозяйку, благодаря которой скоро на столе появятся румяные пироги с разными начинками: сладкие, грибные, мясные. Как же вкусно пахнет! Как же я люблю наш дом, утро, мамины пироги, нашу печь. Ну наконец-то, я смогла потянуться от всего сердца, до солнца, до солнца. Поздоровалась с ним, обрадовалась и вскочила.

Мама – богиня пирогов. Я так думаю. Ну, потому что они у нее мягкие, как пух птенчика какого-нибудь, самый первый пушистый снежок как будто, такие тонкие, что тают во рту даже жевать не надо. Обожаю ее румяные, с самой хрустящей корочкой на доньшке, шаньги – это круглые лепешки с начинкой из пюре со сливочным маслом, домашним молочком и яичками от нашей курочки Рябы. Нет, ничего вкуснее и счастливее этих минут, когда мы соберемся за столом, она нальет мне парного молока и начнем выбирать из этого пирожкового разнообразия, каждый свою любимую булочку с начинкой. Мы веселимся, смеемся, шутим и едим, уплетаем за обе щеки. Розовощекие, довольные и очень благодарные своей единственной маме – богине пирогов.

– Это же невозможно представить себе, как здорово жить, – смеюсь я про себя. Иногда мне смешно от своих мыслей. Они как будто живут своей отдельной жизнью. Порой посещают меня такие забавные, что самой становится, сильно весело. И вообще, сегодня особенный день. Мы идем в мечеть.

Мечеть – это наш храм, поэтому нам нужно выглядеть подобающе. Например, нужно будет надеть длинное шелковое платье с рукавами, оно еще и темного цвета, а мне нравится яркое, оранжевое платьице в цветочек, с коротенькими рукавами-колокольчиками. Ух, какая я в этом платьишке миленькая. Я часто надеваю его и кружусь, кружусь по комнате, потому что пышная, препышная юбка превращается в настоящее, ватное облачко вокруг, окружает оранжевым переливающимся цветом и так божественно, пока не закружится голова и я со смехом не упаду на пол. Эй, потолок поплыл и телевизор тоже, и диван. Лежу, пока не перестанет все ходить ходуном. Как же это весело все, но я смиренно подхожу к шкафчику, достаю длинное темного цвета, грустное платье, без особого энтузиазма надеваю его и иду в соседний бабушкин домик. Там она важно оценит мой внешний вид мусульманки-девочки, который должен соответствовать всем принятым канонам ислама, погладит по спине и начнет приговаривать:

– Мы – мусульмане, – так говорит бабушка. – Она рассказывает мне о добре, о любви, о женщине и ее предназначении. Бабушка говорит, что девочка, как хрупкий цветок. Нельзя к ней притрагиваться.

– Когда ты станешь девушкой, у тебя появится кровь, ты сможешь молиться Аллаху и просить хорошего мужа. И все. Вот такая у тебя задача, главное научись просить у Аллаха мужа себе. Никто кроме него не обнимет и не поцелует тебя. Ты только для мужа. А теперь учи молитву со мной и будь кроткой, скромной, – важно приговаривает она.

Я удивленно смотрела в ее потухшие глаза. Она была одинока, несчастлива, хотя выпросила же однажды деда нашего, но почему-то была печальной и часто плакала. «Тогда почему мне надо вымаливать мужа там какого-то», – удивлялась я. Когда в мире столько неизведан-

ного, интересного, загадочного. Столько всего может рассказать природа, мои золотые рыбки, стрижи, лягушка зеленая из королевства под дорожным мостом. Зачем мне выпрашивать у Аллаха какого-то там непонятого человека, зачем меня обнимать и целовать, мне это совсем не нужно, совершенно чуждо. «С ума что ли она начала сходить, старая что ли уже?» – продолжала размышлять я. Короче, после разговоров с ней вопросов становилось больше чем ответов. И меня сильно угнетали эти рассказы про какого-то там мужа.

Я конечно же, по ее совету, с большим доверием выходила на улицу, смотрела на звезды и думала, что буду хорошей женой для одного мужа, сама даже представить не могла что это такое, кто он. Пыталась в первое время представить там сильного, мудрого, благородного Принца, похожего на королей из моей любимой книги «Сказки Ганса Христиана Андерсена». Но ничего не получалось. Со временем мне надоело это дело и я перестала молиться. Просить там мужа мне совсем не хотелось. Я хотела бегать, нюхать цветы, разговаривать с преданными малявками из моего царства. Но мы каждый день заучивали «абижад». Знать его наизусть должны были все.

Бабушка тоже готовится идти в мечеть. Надо принять душ, надеть чистую одежду, почему-то демонстративно молчать, сделать серьезнейшие лица, никаких там тебе улыбок и разговоров, прийти к мечети и на цыпочках зайти в святой дом Аллаха. Тишина, красиво, везде ковры. Мама закрывает глаза и садится на кушетку.

– Тсссс, она молится, просит о здоровье, мирном существовании, семейном покое, благословении, – говорит бабушка. Я верю каждому ее слову. Горжусь, что живу в мусульманской семье. Могу быть преданной своему роду и отцу, нашим старейшинам и мулле. Я всегда с трепетом ношу мусульманский платок, покрываю голову и с благоговением смотрю на старших. После намаза и мужчины, и женщины выходят на улицу, чтобы посетить усопших. Это значит, зайти на кладбище и положить цветы на могилку.

– Стой здесь, – меня одергивают и не разрешают пройти к могиле прабабушки. Почему? Все же заходят. Оказывается, женщинам и девочкам проходить на кладбище нельзя. – Мы грязные существа, – мама говорит это так естественно, так легко, что моему удивлению нет предела. У нас бывает кровь, повзрослеешь поймешь. А сейчас подожди всех здесь. Но нет, я не грязная. Что-то непонятное вдруг. А как же хрупкий цветок, про который столько времени рассказывала бабушка. Что девочка нежная, ласковая, а тут мы – грязные. Нет, что-то не укладывалось у меня в голове. А когда что-то не укладывается в моей голове, я убегаю оттуда. И как побежала в сторону дома. По пути наслаждалась синим небом, тучками-динозавриками. Птичка напела, что птенцы вчера хорошо поели и довольные спят в гнездышке. Мир прекрасен!

Прибегаю ко двору и вдруг чувствую недобро. Прямо сильно чувствую напряжение в воздухе. Звук какой-то незнакомый, как будто кто-то стонет. Слышно злобное рычание нашего пса, а он редко рычит так гневно. Боюсь зайти. Что там случилось? «Аллах, помоги», – автоматически попросила нашего бога о помощи. Незаметно, на цыпочках вхожу во двор. И замираю. Отец. Папка. Стоит, наклоняется и поднимает с земли котеночка, которого на прошлой неделе родила Мурзяшка. Наша тигровая, пушистая, милашка-кошка. Троих пузатеньких, довольных, здоровых котят. А мы их спрятали от папы в очень укромное местечко, под баней, за огородом. Он сразу сказал, что лишних котов дома не потерпит, и мы их спрятали от него. А тут, я вижу, что он поднимает самого маленького, черненького, беззащитного и бросает со всего размаху на стенку.

– Нееееет! Паааап! Стоооой! – Мозг умер, мир потемнел, язык онемел, тело сейчас рухнет на землю. Я хочу заорать во всю глотку, но не могу. Нет голоса, ни одного звука, нет даже дыхания. Сестренка сидит около столика, то ли без сознания, то ли от испуга и стонет. «Ааааа, вот кто стонал, это она», – почему-то посетила такая мысль. Страх и ужас сковали меня.

Я замечаю, что на земле лежат все котики, он нашел их всех. Отец берет второго, беленького и также со всей силы кидает на стену. Тело заньло. Котик обмяк и второй тоже обмяк, и третий обмяк. Он их всех нашел. Впервые я увидела кровь, впервые ощутила, что теряю веру. Как будто разорвалось мое наивное, целое, маленькое сердечко и оттуда потекла вера. Я ощутила, что больше не могу дышать, не могу верить в Аллаха. Почему-то в ту секунду мне показалось, что мужчины, которые молятся в мечети, теперь не кажутся такими святыми. Просто находясь в исламском храме они почему – то думают, что приносят в мир, гармонию и любовь. Считают, что поступают всегда правильно, но почему – то легко убивают, портят и ненавидят животных, жестоко обижают беззащитных, не пускают девочек к прабабушкам и называют их «грязными». Я не хотела больше верить в это. Из меня утекала жизнь и вера вместе с кровью из узенького носика моего котеночка. Из ее незакрытых зрачков я видела всю Вселенную и понимала, что больше не верю вам, мусульманам моей деревни.

Четвертая глава. Отец

После тяжелого с котятами случая жизнь потекла своим медленным, скучным чередом. Родители продолжали общаться как ни в чем не бывало. В тот день отец ушел, окунувшись в свои мысли, поникший, абсолютно умерший. Я видела он направился в сторону реки. Около нашего дома всегда протекала река, бурная такая, чистая. Тулва. Мы ее обожали, купались там, проводили все летние каникулы, бесились, ловили рыбок и лягушек, играли в прятки в камышах. Короче, эта речка была жизненным источником всей семьи, потому что у берега много времени проводили и мама с бабушкой. Стирали, вымывали ковры, чистили одежду. Там же в тот вечер пропал и папка. Мне кажется, он был сильно обескуражен случившимся и не на шутку перепуган. Когда он обнаружил котят, он естественно не отавал отчета в том, что делает. Я думаю, им управляли эти “вечера в гараже”. Просто мама, часто так говорила.

– Опять ты проводил время в гараже, с кем, с друзьями, вы совсем не работали? – было видно, что она сердится. Я не знала, что значит “этот вечер в гараже”, но чувствовала, они не ведут к добру эти папины вечерки какие-то в непонятном гараже с друзьями. Вот же, погибли котятки, а он и не понял, что натворил. “Эх ты, глупый папочка. Глупее тебя вообще никого нет в мире”, – я всегда мысленно с ним так разговаривала, потому что он был для меня важным Человеком. Несмотря ни на что, я его очень сильно любила.

Он мне казался самым лучшим, самым умным, самым красивым и добрым. Я восхищалась им, когда он брал свою толстенную книгу в руки, садился за стол на кухне и начинал читать. Читал долго, улыбался про себя, что-то там тихо комментировал себе по нос. Я наблюдала за ним и удивлялась, как можно вообще прочитать такую огромную книженцию. В ней наверное страниц 1000. А о чем она, интресно? О подвигах, о приключениях индейцев, о любви девушки и ее жениха? Не знаю даже, но то что со временем я тоже начала интересоваться книгами – это точно.

Мир книг увлек меня также глубоко, как папу. Я ходила в библиотеку, а вечером мы смотрели друг на друга, улыбались и обсуждали смысл какой-нибудь книжки. Он так мудро смотрел, свысока, любя, покручивая свои пушистые усы и спрашивал: “Ну-ка, кызым, дочка, расскажи мне разницу между добром и злом. Про это же ты читала? А?” Сам сильно волновался, чтобы дочь смогла придумать достойный ответ. Знаю он очень гордился, что вообще читаю, интересуюсь литературой, классической между прочим. Это вам не шухры-мухры. Очень рано я прочитала рассказы Зоценко, Салтыкова – Щедрина, романы Набокова, Достоевского и многих других. Мне невероятно нравились разговоры с ним. Он развивал меня, открыл во мне столько глубинных знаний, научил любить классику, разбираться в хороших авторах, думать, размышлять, отвечать за свои поступки, учиться на чужих ошибках. “Хотя сам прожил жизнь абсолютно глупо”, – говорил он позже. Жалел о том, что не додал любви своей любимой женщине, нашей маме, детям, не сумел достойно похоронить мать, никогда так и не встретился со своим Отцом.

Я думаю, в тот вечер на берегу реки, его не было почти сутки, он отчаянно боролся за жизнь. Искал опоры, думал о том, зачем ему жить вообще. Очень сильно угнетал и осуждал себя. Ненавидел свои поступки, если бы была возможность, умер бы и возродился заново, чтобы все изменить. Но нет! Он вернулся, тихо взял ту самую толстую книгу и просто сел читать. И все! Ни единого слова, никому из нас. Слов не было, потому что они не могли передать всю боль, котрую он чувствовал в себе. Так и потекла жизнь.

Мы с сестренкой подобрали безжизненные тела наших котят, ревели, как безумные и понесли их на кладбище. Да, у нас есть собственное кладбище для погибших питомцев. Это же не просто животные-питомцы, это наши младшие друзья. Нам так начало казаться, еще года два назад, когда рядом с домом мы обнаружили голубя. Наша компания ребятшек, где

я была самой старшей, решила похоронить его. Горько так было на душе, хоронили молча, тихо, не проронив ни слова. Мы всегда радуемся, что на могилку могут прийти и девочки, и мальчики. Никто нам не запрещает оплакивать усопших, приносить им цветы и разговаривать с ними, потому что ни один взрослый не в курсе, что мы организовали кладбище для животных. А то, началось бы, такое. Страшно представить, что могли там придумать взрослые, если бы пронюхали, что их детишки не играют, а занимаются похоронами. Почти ежедневно. Да, каждый вечер мы собирали розовые цветочки в саду у нашей соседки и относили их на могилку котеночков. Не то чтобы нам было тяжело, просто нам казалось, что это важно помнить и заботиться об умерших. Неважно как это делать, по-детски наивно во дворе или по серьезному, приходиться огромной толпой верующих к прапрабабушкам и дедушкам. “Главное, уважение и память”, – думала наша ребячья компашка, состоявшая из соседских деток. Со временем, конечно же, все забывалось. Страх после подобных событий утихал и мы впадали в новые крайности.

Наши детские игры точно можно было называть “крайностями”, потому что они действительно несли в себе некую опасность. Но не стоило беспокоиться, мы всегда благополучно с сумерками возвращались домой. Например, забавно подниматься на самую высокую крышу какого-нибудь дома или гаража и сидеть там на коньке. Эх, как же далеко видно, когда сидишь на самом пике любой высокой крыши и смотришь на всех с высоты птичьего полета. Видно все огороды, как соседка пропальвает свеклу, а другая – собирает красные, крупные яблоки в саду. Мы вчера вечером забегали туда, чтобы набрать себе побольше спелых, сочных яблок. Ну устроили там небольшой пиратский набег и что? Не убудет же, у нее. Вон их сколько у нее там, этих фруктов: и вишни есть, и груши, кстати, вообще невкусные, кислые, фу. У нее и смородина, крупная, сладкая, и клубника. Вот на ней-то, на этой клубничке, мы чуть не попались, потому что ягод мало, а нас – много, четверо. Мы, как саранча налетели на эту красную вкуснятину и все съели, а она утром вышла собрать свежего клубничного урожая, а осталось-то ягод с гулькин нос, точнее вообще ничего не осталось. Мы сидели на крыше папиного сарая и издали видели, как она то ли плачет, то ли угрожает всем детям улицы, то ли обещает нас прибить при встрече. Короче, если честно, наша компашка не на шутку перепугалась. На общем собрании, который экстренно состоялся за банькой, мы решили больше таких явных следов не оставлять в огородах бабушек. Иначе, точно какая –нибудь расерженная струшка или родители точно повесят нас или еще лучше, отхлыстают жгучей крапивой. На том и порешили и побежали по домам.

Очередной день, полный невероятных шалостей и забав был окончен. Сестричка и я, тихо пробирались по скрипучим ступенькам к своим кроваткам, мечтая окунуться в сон. Да не тут-то было! Сердечки замерли, отец курил на кухне. Это не к добру, когда он медленно открывает дверцу печи, долго перебирает, выбирает одну папироску из пачки, задумчиво подносит ее ко рту, зажигает спичку, как будто угрожает всему окружающему пространству и молча закури-вает ее. Вся семья замирает и в доме наступает идеальная тишина. Даже мухи затихают по углам, никто не дышит, пауки перестают жевать своих жертв на паутинах, в ушах звенит от вакуума. Ужас! Я ложусь под одеяло в колготочках и в кофте, приобнимаю Лиду, она дрожит как осиновый лист, но успокоить ее у меня не хватает сил. Я тоже дрожу от понимания, что в следующий момент, папа заговорит. Сначала полупшепотом, как будто поднимается ветерок перед бурей, с каждым предложением слова будут звучать злее, тон грубее.

А я начну, глотая слезинки, молиться, но не Аллаху. А моему неизвестному рыцарю, ну можно его так не называть, конечно. На самом деле с какого-то времени мне начало казаться, что на этой планете живет молодой такой, красивый паренек, мой. Не знаю, что значит мой, но я так чувствовала. Он хочет забрать меня отсюда, от этих страхов, невзгод, ссор. Он как будто ищет меня, ждет со мной встречи также сильно, как и я. Как будто он знает, что надо забрать меня от всех этих людей, которые не любят ни друг друга, ни своих детей, никого. Спокойнее

мне не становилось, но в сердце теплилась надежда и вера в доброе, светлое, и я его ждала. Наперекор здравому смыслу, я тихо молилась под одеяльцем и ждала его...

А в этот самый миг мама, затаив дыхание, в своей спальне ждет удобного момента, когда папа отвлечется на минуту и выйдет на улицу, чтобы взять очередную пачку сигарет. Она внезапно вскочит, подбежит ко мне, резко толкнет меня в бок и быстро начнет будить брата, одевать младшую и шептать мне:

– Быстрее! Быстрее! Одевайтесь, помощи ему, учебники, тетради свои возьми! Быстрее же, затаитесь у входа!

Три комочка, мы быстренько семеним, в затаенный узенький уголочек в раздевалке. Там можно присесть на пол малюсеньким детям и спрятаться на время. А когда папа, уже разъяренный, в гневе пойдет искать нас по дому, мы прошмыгнем на веранду, а оттуда рукой подать до улицы и можно спрятаться в укромное местечко, подальше от всего этого. Главное, чтобы мамочка успела выбежать за нами. Иногда, она не успевает. Обнаружив, он подбегает к ней, но я уже ничего не вижу, дверь закрывается. Только слышу, как она тонким голосом просит отпустить ее.

В ту секунду я оглядываюсь, не бегу, время останавливается, слезы текут рекой. “Мама, мамочка... Что же мне делать?” Глаза полны воды. Я чувствую, что из них снова потекли слезинки, как дождевые капли. Бесперестанно, рекой, океаном, очень много слез. Я стою и не могу решиться, бежать к ней, чтобы просто разделить ее участь, это единственное что могла бы сделать девчонка девяти лет или увести младшеньких подальше отсюда. Пока он и их не поймал в порыве злости. Мысленно отчаянно кричу маме: “Мам, мы там, ждем тебя, на нашем месте, за углом по улице, мы ждем тебя там, мам...” Как же мне было больно, страшно и обидно в те минуты. Как же мне было больно и страшно.

Много лет подряд, я буду видеть эту несчастную дорожку отступления во сне. Просыпаться в поту, буду мечтать забыть об этих детских воспоминаниях, но нет. Мы снова и снова будем бежать из дома по вымощенной горькими слезами, страданиями, детскими страхами, по этой кровавой тропке. Она почему-то начнет сниться мне с пятнами крови. Это самое неприятное во всей этой истории. Казалось бы мы много раз обсуждали эти моменты и с мамой, и с сестрой, уже взрослыми. Прощали, отпускали, ходили в мечеть, просили о благославении, но увы. Сны продолжали настойчиво приходить, напоминать о тех днях, когда мамочка все-таки догоняла нас, мы прятались с ней и усиленно начинали думать куда пойти переночевать. Особенно зимой.

С тех самых пор мне ненавистна зима. Зимой я начинаю ощущать холод, кожей вспоминать, как она промерзала в те студеные ночи, когда приходилось бежать из дома и искать убежища. Замерзание накатывало через пять минут, а сидели порой часами, не зная у кого попросить помощи.

– Мы уже всем надоели, – говорила мать, после моих просьб пойти к соседям слева, а справа, а к дяде, который живет на другом конце поселка, а к тетушке на соседней улице...

– Нет, – повторяла безучастно мама, – все устали от наших просьб, никто не хочет нас видеть. Пойдем, попробуем прошмыгнуть в баню, но сначала просто посидим в холодной. Затопим попозже, чтобы отец не заметил дым из трубы и не нашел нас.

Глава пятая. Война

А еще, я часто бегала к моему дедушке. Он страшно интересный, необыкновенный, загадочный. Смотрит немного прищурившись и ухмыляется, как будто видит мои секретки. Больше всего меня настораживало то, что он как будто хочет поведать о них всему белому свету. Если он узнает о моих секретах, то будет катастрофа. Все что я скрываю от родителей и бабушки настолько серьезно, что побьют точно или будут грозить жгучей крапивой. Одна куколка-негрityанка с ее волшебной избушкой в саду за баней чего стоит. За нее можно схлопотать по полной, поэтому с дедом шутки плохи, надо быть начеку. Несмотря на это я ежедневно бегала к нему, чтобы поговорить с ним, послушать его истории о войне, в очередной раз рассмотреть какие-то глубокие царапины на его плечах.

– Тебе всего лишь девять лет, доченька, ты еще такая маленькая, несмышленная, забавная, веселушка моя, ты – копия покойной бабушки твоей, зуранейки. Зачем тебе эти военные легенды? – полусхотят, полусерьезно журил он, а я докучала ему и задавала кучу вопросов про эти шрамы, «обычные царапинки», называл их дедушка-старый ветеран.

– Внука, – начинал дед с наигранной строгостью свой любимый рассказ о военных подвигах, – помни, мы боролись ради вас, ради счастливого будущего в родной деревне, ради спокойствия и радости в каждом доме.

Мы с братиком смеемся, падаем к нему на колени, он улыбается и щечочет. Таких задорных, неусидчивых у него было пять внуков, а еще он часто вспоминал свою семью, между прочим большую из семерых несмышленьшей и супруги, нашей «зуранейки» (бабушки). Его дети жили в небольшом, но новом, крепком доме, похожем на высокий терем яркого бирюзового цвета с нарезными белыми оконцами. По меркам деревни семья относилась к богатой. По всей улице лишь у них был телевизор, весь детский народец приходил к ним посмотреть на чудесные двигающиеся картинки из коробки.

Бабушка весело встречала каждого маленького соседа, любила угощать чаем с булками. Ликование, шутки сопровождалось интересными разговорами об этом волшебном ящике, детки громко делились впечатлениями, улюлюкали и катались по полу от переизбытка эмоций. Сколько же в ней было добра, нежности, материнского тепла ко всем. Она умела радовать мир, зажигать всех восторженным смехом, смеяться вместе с мальчишками и девчонками и делать их счастливыми. А дедушка, глубоко раненый и душевно, и физически приходил с работы, всегда несколько недовольный, озлобленный на администрацию, государство, садился и громко звал жену:

– Как вы тут? Налей чаю, Суфия. – Он подзывал нас, своего щенка, котенка, как будто искал у нас успокоения. По привычке мы брались рассматривать непонятный рубец от плеча до пояса, глубокий, неровный. Известный шрам не пугал нас. Мы с интересом изучали спину деда, задавали надоедливый вопрос: «Откуда это?».

– Охо – хой, дети мои, – вздыхал он в самом начале, – танкистом я был на войне с немцами, до Молдавии дошел. С ребятами на поле битвы под обстрел попали, танк горит, начали спасаться, убегать, но шальная пуля поцарапала спину, а взрыв отбросил далеко от места сражения. Контузия охватила меня, и оказался я в госпитале, мои родненькие. У бабушки голова часто болит, поэтому не шумим, не шумим, ребятки. Ко мне не пристаем, бегите, играйте на улице. – Подталкивал он нас с нежностью к выходу. А мы, ничего не подозревая о невыносимых болях бабушки, такие беззаботные, счастливые, со смехом убегали во двор.

Повзрослев, я поняла, насколько дед старался быть сильным, решительным, бесстрашным, отважным. Он с упоением рассказывал о своей семье, что родился в начале прошлого века, в далеких, сложных семнадцатых годах где-то в горах Урала. А свою семью, по какой-то трагической случайности, не сумел сохранить. Всю глубину их совместного несчастья с

бабушкой, я осознала только со временем, пока сама не оказалась в такой же ситуации, как моя «зуранейка». Мы даже не понимали насколько проблемы маленькой деревни, одиночество, предательство оказывали на него колоссальное давление. Я искренне восхищалась им, его подвигами, заслушивалась историями. Никто не замечал, что в душе у него назревала лютая ярость, которую он однажды не сможет обуздать. По нашей просьбе он никогда не отказывался рассказывать о себе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.